

Методы Исследования Языка В Рамках Современной Парадигмы Лингвистики

Косимова Муштарийбегим Отабек кизи¹

Аннотация: В статье рассматриваются понятие парадигма и методы исследования языка в рамках современной лингвистической парадигмы, приводятся различные системы методов исследования языка, исследуются методы сравнительно-исторический, внешняя реконструкция, когнитивный подход, охарактеризуются методы исследования языка в разных направлениях развития науки о языке.

Ключевые слова: научная парадигма, методы исследования языка, субстрат, сравнительно-исторический метод, метод внешней реконструкции, когнитивный подход, когнитивно-семантический метод, структурализм, психолингвистика.

Весьма актуальным для современной науке о языке является вопрос о лингвистических парадигмах. С основными лингвистическими парадигмами связаны соответствующие методы исследования языка. Первым из них является *сравнительно-исторический метод*, который начал формироваться в первой четверти XIX века. В 1816 г. Ф. Бопп издал труд «О системе спряжения в санскрите в сравнении со спряжением греческого, латинского, персидского и германского языков» [8, с. 273]. В данной работе впервые была применена теория о родстве индоевропейских языков. Эту теорию применили не к изучению отдельных лексических или грамматических элементов, а к системе спряжения вообще. В 1818 г. вышли «Заметки о языке и литературе трубадуров» А.-В. Шлегеля, где указывалось, что именно латынь является общероманским источником как для французского и провансальского, так и для других близкородственных им языков, и выявлялась динамика их структурного развития, переход от латинского синтетического строя (когда преобладало выражение связей между словами и формами слов) к романскому аналитическому строю.

После выхода книги А.-В. Шлегеля Й.-Б. Копитар открыл иного содержания аналитические преобразования в румынском языке, имеющим ту же, что и западнороманские, исходную «языковую материю», но развившего специфически балканскую «языковую форму», одинаковую с «формой» (строем) других, соседних языков (южнославянских, албанского), у которых исходная «материя» была генетически совсем другой. Эти общеполубалканские структурные сходения в образованных аналитических формах Копитар объяснял влиянием автохтонного языка; так в романистику (и в компартивистику в целом, в общее языкознание) была введена идея субстрата.

Субстрат (от лат. «подостланное») — воздействие и следы языка прежнего коренного населения на новый формирующийся язык (например, кельтский субстрат во французском языке). Кроме того, существует понятие суперстрата (лат. *superstatum* «надстланное») — влияния ассимилированного языка пришельцев (например, влияние германского языка франков на становление французского языка). Все западнороманские языки формировались на основе романских диалектов, развившихся на кельтском (галльском) субстрате [8, с. 497].

Другим важным методом является *внешняя реконструкция*, который имеет целью осветить прошлое какого-либо языка путем внешнего сравнения [4, с. 234]. Внутренняя же реконструкция имеет целью восстановить прошлую систему какого-либо языка путем

¹ Магистрант «Ферганский государственный университет» г. Фергана, Республика Узбекистан

логических выводов из описания существующей системы этого же самого языка. Внутренняя реконструкция представляет собой применение к истории, «историческую проекцию», методов синхронного системного описания языка, развитых в последние десятилетия. Внутренняя и внешняя реконструкция являются взаимодополнительными методами [6, с. 13-14].

В связи с антропоцентрическими тенденциями, активно развивающимися в современной лингвистической науке, большую актуальность приобрел за последнее десятилетие *когнитивный подход*. В центре внимания данного метода исследования находится проблема связи между познавательной-мыслительной деятельностью человека и языком [5, с. 56]. Несмотря на то, что подход этот справедливо считается сравнительно новым, предпосылки к его развитию существовали задолго до того, как он оформился в отдельное направление в лингвистике. Как известно, сама по себе постановка вопроса о взаимосвязи языка и мышления не являются достижением XX века. Уже в античной философии рассматривался вопрос о происхождении языка вообще и, в частности, о том, как вещи получают свои имена. Эти проблемы рассматривались в то время в философском, а не в лингвистическом аспекте. Когда в XIX веке языковедение оформилось в отдельную отрасль научного знания, проблема взаимодействия мышления и языка стала поначалу одной из ключевых для лингвистов. Особенно большую роль для формирования теоретических взглядов последующих исследователей, обращавшихся к содержательной стороне языка, сыграла теория В. Гумбольдта, который впервые указал на неразрывную связь содержательной стороны языка с интеллектуальной и духовной жизнью народа. Исследуя язык не как сложившийся продукт, а как особый вид деятельности человека, В. Гумбольдт фактически вводит проблему человека в языке в круг центральных теоретических вопросов языковедения» [7, с. 89].

На основе теоретических построений В. Гумбольдта русский лингвист А. А. Потебня разработал собственную теорию «внутренней формы», под которой он понимал «ближайшее этимологическое значение слова», «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными», и посредством которой объяснял единство понимания значений слова носителями языка.

Следует отметить, что традиции изучения взаимосвязи внутренних психологических механизмов и языкового отображения действительности существовала задолго до выделения такой отдельной отрасли научного знания как *психолингвистика*. Несмотря на некоторую непроработанность данной проблематики, эвентуально, можно говорить о присутствии антропоцентрического круга проблем уже на этом этапе развития лингвистической науки.

Одним из основоположников собственно *антропоцентрического взгляда* на язык считается Э. Бенвенист с его теорией субъективности в языке, под которой он понимал способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения [1]. Свойство это, по мнению Э. Бенвениста, отражается в языке в виде особой черты его устройства, который заключается в том, что в языке есть классы элементов, обладающих аутореферентностью; таким образом, при употреблении этих элементов создается референтная соотнесенность с самим говорящим. В свете теории Э. Бенвениста и его последователей язык предстает как особая семиотическая система, одновременно обладающая как объективным, так и субъективным характером, объективность которой заключается в том, что язык как любая знаковая система поддается внешнему наблюдению, а субъективность — в том, что в силу своего особого устройства система эта в принципе не может существовать вне говорящего, а следовательно, и «вне меня», в силу того, что каждый индивид (естественно, обладающий обыкновённым психофизическим развитием) является носителем какого-либо языка.

К концу 60-х годов прошлого века как реакция на всеобщее увлечение структурализмом начали ощущаться необходимость радикальной смены приоритетов в лингвистической науке. Проблема «человека в языке» из побочной становится одной из центральных, и лингвисты вновь возвращаются к поднятой еще В. Гумбольдтом и его последователями проблеме взаимосвязи языка и мышления и психологических механизмов, обеспечивающих понимание

речи и возможность языковой коммуникации. В связи с этим возникает интерес к работам в области психологии речевой деятельности.

Особое внимание лингвистов привлекли работы выдающегося российского психолога Л.С.Выготского, которые были посвящены развитию словарного запаса у детей. Эти исследования были основаны на экспериментальных данных и имели целью установить связь между познавательной деятельностью и формированием мышления и речи на раннем этапе. Идеи Л. С. Выготского, получившие дальнейшее развитие в работах его последователей оказались настолько актуальными, что легли в основу научного направления на стыке двух дисциплин — психолингвистики.

В рамках психолингвистики появились, в частности, работы таких российских исследователей, как А. Н. Леонтьев, И. А. Зимняя и А. А. Залевская, впервые в российском языкознании сконцентрировавших свое внимание на психологической структуре значения в языке, а также дали толчок к развитию современной теории актуального лексикона. Обычно относимой к прагматическому направлению в психолингвистике и использующей методики, разработанные в рамках психологии, для решения языковедческих проблем [2, с. 151-152].

Кроме того работы Л. С. Выготского послужили основой для работ Э. Рош и ее последователей, которые заложили в 70-е годы прошлого века основы когнитивного подхода в лингвистике. Опираясь на идеи Л.С.Выготского, Э. Рош провела серию собственных экспериментов, в результате которых пришла к выводу, что в процессе познавательной деятельности усваиваемое знание об окружающем мире подвергается категоризации по наиболее значительному признаку; иначе говоря, вновь усваиваемая информация группируется вокруг прототипических понятийных ядер, формируя неограниченные множества с размытыми границами. Этот подход получил название прототипического.

С середины 70-х годов *когнитивно-семантический метод* применялся для описания семантической структуры естественных языков в синхронном аспекте. При этом внимание многих исследователей привлек постулат о принципиальной размытости границ лексического значения (естественно, за исключением чисто терминологической сферы). Получив дальнейшее развитие в работах Н. Штеммер и Дж. Лакофф, этот постулат натолкнул исследователей на мысль о предполагаемом влиянии когнитивных факторов на возможность семантического развития слова и, следовательно, на перспективность применения метода семантических прототипов для описания семантики слова в диахронии.

В своей работе Д. Геерартс, основываясь на исследованиях, пришел к выводу о том, что, во-первых, все зарегистрированные на исследуемом отрезке времени значения изучаемого слова распадаются на прототипические группы на основании наиболее типичного семантического признака и, во-вторых, эти прототипические группы в дальнейшем и определяют потенциальные пути семантического развития слова. Правда, в силу непрерывности семантического пространства и, следовательно, некоторой размытости лексического значения, возможно (и принципиально неизбежно) слияние границ смежных прототипических групп. Однако прототипический подход не является идеальным, т. к. не отвечает на вопрос о том, почему происходят эти изменения.

Говоря о лексическом значении следует сказать, что его членения и структура своеобразны в каждом языке и связаны с особенностями его строя. Значения слов помещают между представлениями и понятиями. Но стоит сказать, что стремление непременно развести понятие и словесное значение как мыслительные сущности разного рода питается — часто неявно — ошибочной, но все еще мощной философской традицией, идущей от Платона через средневековый философский реализм и объективный идеализм к современности. Понятия—идеи в этой традиции рассматриваются как предустановленные, независимые от человеческой деятельности самостоятельные сущности идеального порядка, как вневременной идеальный эталон, равноправный с самой вещью и столь же содержательный. Значения словесных знаков — те же «понятия, но понятия, связанные знаком. Языковые значения не представляют собой

чего-то содержательно отличного от понятий, не образуют особого концептуального уровня сознания. Они никак не специфичны по своей мыслительной природе. Все их отличие от понятий проистекает из указанного факта — отнесенности к знаку». Между тем понятия, безусловно, являются исторической, меняющейся и развивающейся категорией. Понятие — определенная мыслительная (концептуальная) форма, обобщающая абстракция.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
2. Вишаренко С. В. О когнитивно-семантическом методе изучения языка. Антропоцентризм в языке и речи. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. с. 150–150
3. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус. — М., 1994. — № 2. — С. 3–15.
4. Сенцов А. Э. Сопоставительный анализ выражения концепта «обладание» во французской, английской и русской лингвокультурах. Молодой ученый. — 2011. — Т.1. — с. 233-235.
5. Сенцов А. Э. Концепт будущего в программах политических партий (на материале программ партий «Единая Россия» и «Патриоты России»). Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2010. с. 55-60.
6. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — с. 13-14.
7. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? Язык и наука конца XX века: Сб. ст. — М.: РГПУ, 1995. с. 89.
8. Широков О. С. Языковедение: введение в науку о языках. — М.: Добросвет, 2003. — с. 497.

